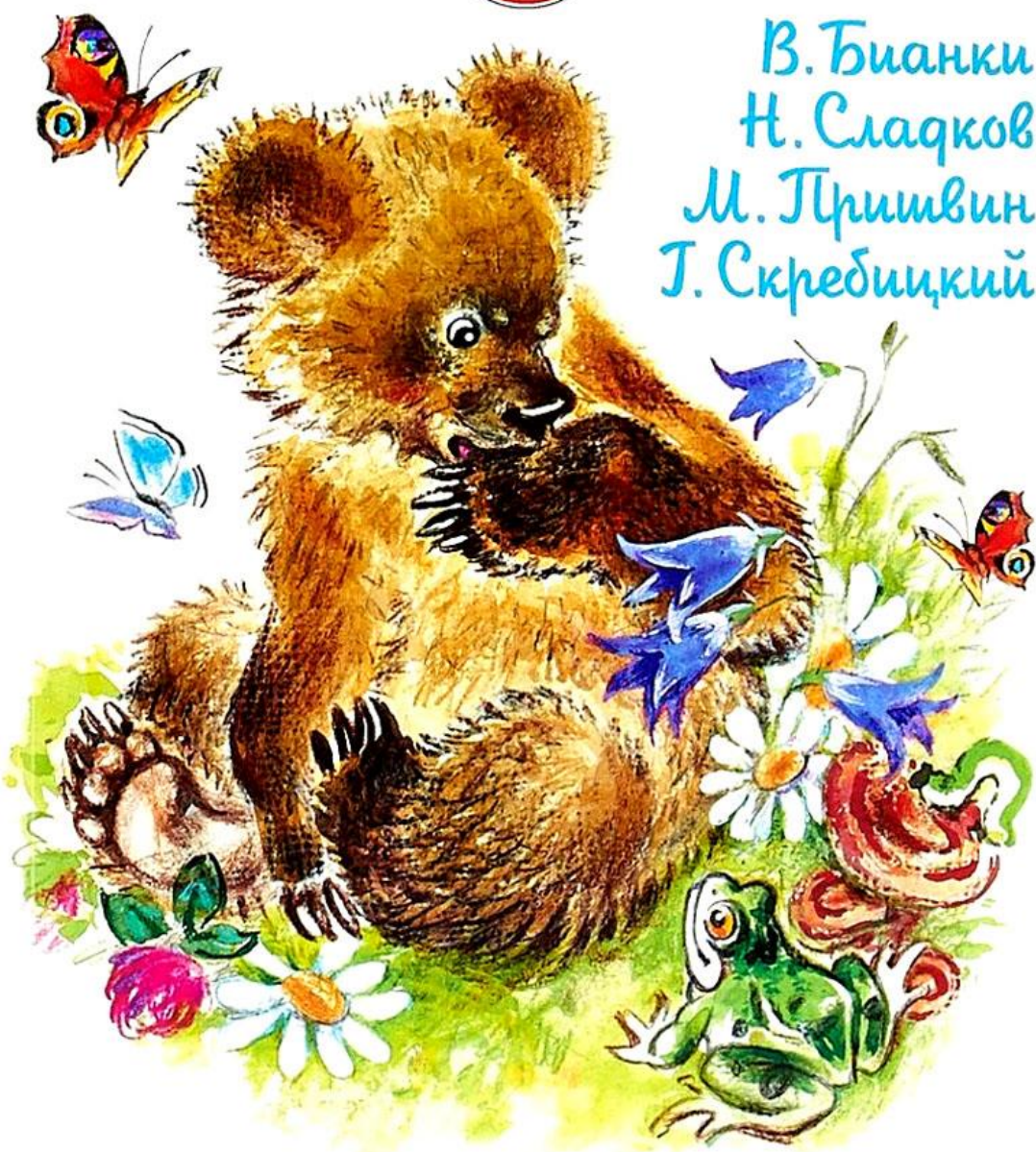

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

В. Бианки
Н. Сладков
М. Пришвин
Т. Скребицкий

рассказы о животных

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Рассказы о животных

Художник
Владимир Черноглазов

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

ПЕРВАЯ ОХОТА

Надоело Щенку гонять кур по двору.

«Пойду-ка, – думает, – на охоту за дикими зверями и птицами». Шмыгнул в подворотню и побежал по лугу.

Увидели его дикие звери, птицы и насекомые и думают каждый про себя.

Выпь думает: «Я его обману!»

Удод думает: «Я его удивлю!»

Вертишейка думает: «Я его напугаю!»

Ящерка думает: «Я от него вывернусь!»

Гусеницы, бабочки, кузнечики думают: «Мы от него спрячемся!»

«А я его прогоню!» – думает Жук- Бомбардир.

«Мы все за себя постоять умеем, каждый по-своему!» – думают они про себя.

А Щенок уже побежал к озерку и видит: стоит у камыша Выпь на одной ноге по колено в воде.

«Вот я её сейчас поймаю!» – думает Щенок и совсем уж приготовился прыгнуть ей на спину.

А Выпь глянула на него и шагнула в камыш. Ветер по озеру бежит, камыш колышет. Камыш качается взад-вперёд, взад-вперёд.

У Щенка перед глазами жёлтые и коричневые полосы качаются взад-вперёд, взад-вперёд.

А Выпь стоит в камыше, вытянулась тонкая-тонкая и вся в жёлтые и коричневые полосы раскрашена. Стоит, качается взад-вперёд, взад-вперёд.

Щенок глаза выпучил, смотрел, смотрел – не видно Выпи в камыше.

«Ну, – думает, – обманула меня Выпь. Не прыгать же мне в пустой камыш! Пойду другую птицу поймаю».

Выбежал на пригорок, смотрит: сидит на земле Удод, хохлом играет – то развернёт, то сложит.

«Вот я на него сейчас с пригорка прыгну!» – думает Щенок.

А Удод припал к земле, крылья распластал, хвост раскрыл, клюв вверх поднял.

Смотрит Щенок: нет птицы, а лежит на земле пёстрый лоскут, и торчит из него кривая игла.

Удивился Щенок: куда же Удод девался? «Неужели я эту пёструю тряпку за него принял? Пойду поскорей маленькую птичку поймаю».

Подбежал к дереву и видит: сидит на ветке маленькая птица Вертишейка.

Кинулся к ней, а Вертишейка юрк в дупло.

«Ага! – думает Щенок. – Попалась!»

Поднялся на задние лапы, заглянул в дупло, а в чёрном дупле чёрная змея извивается и страшно шипит.

Отшатнулся Щенок, шерсть дыбом поднял – и наутёк.

А Вертишейка шипит ему вслед из дупла, головой крутит, по спине у неё змейкой извивается полоска чёрных перьев.

«Уф! Напугала как! Еле ноги унёс. Больше не стану на птиц охотиться. Пойду лучше Ящерку поймаю».

Ящерка сидела на камне, глаза закрыла, грелась на солнышке.

Тихонько к ней подкрался Щенок – прыг! – и ухватил за хвост.

А Ящерка извернулась, хвост в зубах у него оставила, сама под камень!

Хвост в зубах у Щенка остался.

Фыркнул Щенок, бросил хвост – и за ней.

Да куда там! Ящерка давно под камнем сидит, новый хвост себе отращивает.

«Ну, – думает Щенок, – уж если Ящерка и та от меня вывернулась, так я хоть насекомых наловлю».

Посмотрел кругом, а по земле жуки бегают, в траве кузнечики прыгают, по веткам гусеницы ползают, в воздухе бабочки летают.

Бросился Щенок ловить их, и вдруг – стало кругом, как на загадочной картинке: все тут, а никого не видно. Спрятались все.

Зелёные кузнечики в зелёной траве притаились.

Гусеницы на веточках вытянулись и замерли: их от сучков не отличишь.

Бабочки сели на деревья, крылья сложили – не разберёшь, где кора, где листья, где бабочки.

Один крошечный Жук-Бомбардир идёт себе по земле, никуда не прячется.

Догнал его Щенок, хотел схватить, а Жук-Бомбардир остановился да как пальнёт в него летучей едкой струйкой – прямо в нос попал!

Взвизгнул Щенок, хвост поджал, повернулся – да через луг, да в подворотню.

Забился в конуру и нос высунуть боится.

А звери, птицы и насекомые – все опять за свои дела принялись.

КТО ЧЕМ ПОЁТ?

(сказка)

Слышишь, какая музыка гремит в лесу?

Слушая её, можно подумать, что все звери, птицы и насекомые родились на свет певцами и музыкантами.

Может быть, так оно и есть: музыку ведь все любят и петь всем хочется. Только не у каждого голос есть.

Вот послушай, чем и как поют безголосые.

Лягушки на озере начали ещё с ночи.

Надули пузыри за ушами, высунули головы из воды, рты приоткрыли.

«Ква-а-а-а!..» – одним духом пошёл из них воздух.

Услыхал их Аист из деревни.

Обрадовался;

– Целый хор! Будет мне чем поживиться!

И полетел на озеро завтракать.

Прилетел и сел на берегу. Сел и думает:

«Неужели я хуже лягушки? Поют же они без голоса. Дай-ка и я попробую».

Поднял длинный клюв, застучал, затрещал одной его половинкой о другую – то тише, то громче, то реже, то чаще: трещотка трещит деревянная, да и только! Так разошёлся, что и про завтрак свой забыл.

А в камышах стояла Выпь на одной ноге, слушала и думала:

«Безголосая я цапля! Да ведь и Аист – не певчая птичка, а вон какую песню наигрывает».

И придумала:

«Дай-ка на воде сыграю!»

Сунула в озеро клюв, набрала полный воды да как дунет в клюв!

Пошёл по озеру громкий гул: «Прумб-бу-бу-бумм!» – словно бык проревел.

«Вот так песня! – подумал Дятел, услышав Выпь из лесу. – Инструмент-то у меня найдётся: чем дерево не барабан, а нос мой чем не палочка?»

Хвостом упёрся, назад откинулся, размахнулся головой
– как задолбит носом по суку!

Точь-в-точь – барабанная дробь.

Вылез из-под коры Жук с предлинными усами.

Закрутил, закрутил головой, заскрипела его жёсткая
шея – тоненький-тоненький писк послышался.

Пищит усач, а всё напрасно: никто его писка не слы-
шит. Шею натрудил – зато сам своей песнею доволен.

А внизу, под деревом, из гнезда вылез Шмель и поле-
тел петь на лужок.

Вокруг цветка на лужку кружит, жужжит жилковатыми
жёсткими крылышками, словно струна гудит.

Разбудила шмелиная песня зелёную Саранчу в траве.

Стала Саранча скрипочки налаживать. Скрипочки у
неё на крылышках, а вместо смычков – длинные задние
лапки коленками назад. На крыльях – зазубринка, а на
ножках – зацепочки.

Трёт себя Саранча ножками по бокам, зазубринками за зацепочки задевает – стрекочет.

Саранчи на лугу много: целый струнный оркестр.

«Эх, – думает долгоносый Бекас под кочкой, – надо и мне спеть! Только вот чем? Горло у меня не годится, нос не годится, шея не годится, крылышки не годятся, лапки не годятся... Эх! Была не была – полечу, не смолчу, чем-нибудь да закричу!»

Выскочил из-под кочки, взвился, залетел под самые облака. Хвост раскрыл веером, выпрямил крылышки, перевернулся носом к земле и понёсся вниз, переворачиваясь с боку на бок, как брошенная с высоты дощечка. Головой воздух рассекает, а в хвосте у него тонкие, узкие пёрышки ветер перебирает.

И слышно с земли: будто в вышине барашек запел, заблеял.

А это Бекас.

Отгадай, чем он поёт?

Хвостом!

Загадали мне загадку: «Без рук, без топорёнка построена избёнка». Что такое?

Оказывается – птичье гнездо.

Поглядел я – верно! Вот сорочье гнездо: как из брёвен, всё из сучьев сложено; пол глиной вымазан, соломкой устлан; посередине вход; крыша из веток. Чем не избёнка? А топора Сорока никогда и в лапках не держала.

Крепко тут пожалел я птицу: трудно, ох как трудно, поди, им, горемычным, свои жилища без рук, без топорёнка строить! Стал я думать; как тут быть, как их горю пособить?

Рук им не приделаешь.

А вот топор... Топорёнок для них достать можно.

Достал я топорёнок, побежал в сад.

Глядь, Козодой-Полуночи и к на земле между кочек сидит. Я к нему:

– Козодой, Козодой, трудно тебе гнёзда вить без рук, без топорёнка?

– А я и не вью гнёзда! – говорит Козодой. – Глянь, где яйца высиживаю.

Вспорхнул Козодой – а под ним ямка между кочек. А в ямке два красивых мраморных яичка лежат.

«Ну, – думаю про себя, – этому ни рук, ни топорёнка не надо. Сумел и без них устроиться». Побежал дальше. Выбежал на речку. Глядь – там по веткам, по кусточкам Ремез-Синичка скачет, тоненьким своим носиком с ивы пух собирает.

– На что тебе пух, Ремез? – спрашиваю.

– Гнездо из него делаю, – говорит. – Гнездо у меня пуховое, мягкое, что твоя варежка.

«Ну, – думаю про себя, – этому топорёнок тоже ни к чему – пух собирать...»

Побежал дальше.

Прибежал к дому. Глядь – под коньком Ласточка-Касаточка хлопочет – гнёздышко лепит. Носиком глинку приминает, носиком её на речке колукает, носиком носит.

«Ну, – думаю, – и тут мой топорёнок ни при чём. И показывать его не стоит».

Побежал дальше.

Прибежал в рощу. Глядь, там на ёлке Певчего Дрозда гнездо. Загляденье, что за гнёздышко! Снаружи всё зелёным мхом украшено, внутри – как чашечка, гладкое.

– Ты как такое себе гнёздышко смастерил? – спрашиваю. – Чем его внутри так хорошо отделал?

– Лапками да носом мастерил, – отвечает Певчий Дрозд. – Внутри всё цементом обмазал – из древесной трухи со слюной со своей.

«Ну, – думаю, – опять я не туда попал. Надо таких искать птиц, что плотничают».

И слышу: тук-тук-тук-тук! тук-тук-тук-тук! – из лесу.
Я туда. А там Дятел.

Сидит на берёзе и плотничает, дупло себе делает – детей выводить.

Я к нему:

– Дятел, Дятел, стой носом тукать! Давно, поди, голова разболелась. Гляди, какой я тебе инструмент принёс: настоящий топорёнок!

Поглядел Дятел на топорёнок и говорит:

– Спасибо, только мне твой инструмент ни к чему. Мне и так плотничать ладно: лапками держусь, на хвост обопрусь, пополам согнусь, головой размахнусь – носом ка-ак стукну! Только шепки летят да труха!

Смутил меня Дятел; птицы-то, видно, все мастера без топора.

Тут увидел я гнездо Орла. Большущая куча толстых сучьев на самой высокой сосне в лесу.

«Вот, – думаю, – кому топор-то нужен: сучья рубить!»

Подбежал к той сосне, кричу:

– Орёл, Орёл! А я тебе топорёнок принёс!

Разнял Орёл крылья и клеочет:

– Вот спасибо, парнишка! Кинь свой топорёнок в кучу. Я сучков на него ещё навалю – прочная будет постройка, доброе гнездо.

МУЗЫКАНТ

Старый медвежатник сидел на завалинке и пиликал на скрипке. Он очень любил музыку и старался сам научиться играть. Плохо у него выходило, но старик и тем был доволен, что у него своя музыка. Мимо проходил знакомый колхозник и говорит старику:

– Брось-ка ты свою скрипку-то, берись за ружьё. Из ружья у тебя лучше выходит. Я сейчас медведя видел в лесу.

Старик отложил скрипку, расспросил колхозника, где он видел медведя. Взял ружьё и пошёл в лес. В лесу старик долго искал медведя, но не нашёл даже и следа его.

Устал старик и присел на пенёк отдохнуть.

Тихо-тихо было в лесу. Ни сучок нигде не треснет, ни птица голоса не подаст. Вдруг старик услышал: дзенн!.. Красивый такой звук, как струна пропела.

Немного погода опять: дзенн!..

Старик удивился:

«Кто же это в лесу на струне играет?»

А из лесу опять: дзенн!.. – да так звонко, ласково.

Старик встал с пенёка и осторожно пошёл туда, откуда слышался звук. Звук слышался с опушки.

Старик подкрался из-за ёлочки и видит: на опушке разбитое грозой дерево, из него торчат длинные щепки. А под деревом сидит медведь, схватил одну щепку лапой. Медведь потянул к себе щепку и отпустил её. Щепка выпрямилась, задрожала, и в воздухе раздалось: дзенн!.. – как струна пропела.

Медведь наклонил голову и слушает.

Старик тоже слушает: хорошо поёт щепка!

Замолк звук – медведь опять за своё: оттянул щепку и пустил.

Вечером знакомый колхозник ещё раз проходит мимо избы медвежатника. Старик опять сидел на завалинке со скрипкой. Он пальцем дёргал одну струну, и струна тихонечко пела: дзенн!

Колхозник спросил старика:

– Ну что, убил медведя?

– Нет, – ответил старик.

– Что ж так?

– Да как же в него стрелять, когда он такой же музыкант, как и я?

И старик рассказал колхознику, как медведь играл на расщепленном грозой дереве.

ЛУПЛЕННЫЙ БОЧОК

Думаете, все зайцы одинаковые, все трусы? Нет, зайцы тоже разные бывают. Спросите вот моего сынишку, какого мы раз поймали скандалиста.

Мы были на охоте в лесу. Втроём: сынишка, я и Джим. Джим – это собачка наша. Коротконожка, уши до земли, хвостик куцей. Замечательная охотничья собачка, хоть и старенькая: всякую дичь разыщет, на крыло поднимет, а подстреленную поймает, схватит и осторожно, не помяв ни пёрышка, подаст прямо в руки. Необыкновенно умный

и добрый у нас Джим. С другими собаками не дерётся, никого никогда не кусает, всем знакомым людям при встрече хвостиком часто-часто машет и, знаете, так по-собачьи, приветливо улыбается.

На охоте мы были сухой осенью – уже лист с деревьев падал, а дождей больших ещё не было. В это время охотиться в лесу всего трудней: высохший лист гремит под ногами, дичь тебя далеко слышит и видит сквозь поредевший кустарник и, не допустив, улетает.

Вдруг слышу – Джим залаял, залаял в кустах – и вдруг замолк.

«На кого это он?» – думаю. И приготовился стрелять.

Но оттуда, из кустов, никто не вылетел.

А сынишка уже там – и кричит мне из кустов:

– Папа, папа, беги скорей! Кого Джим-то в плен взял!

Я – к ним. И вижу.

Джим лежит вразтяжку на земле, а передними лапами зайчонка прижал к листьям, держит его. Зайчонок верещит отчаянно, Джим хвостом часто-часто виляет, а сынишка мой стоит над ними и не знает, что ему делать.

Я подошёл, взял зайчонка у Джима. Держу зайчонка двумя пальцами за шиворот – он ещё пуще верещит, лапками от меня отбивается.

Сынишка говорит:

– Это он на тебя сердится. Кричит: «Как ты смеешь меня – такого маленького – обижать!»

И вправду похоже было, что зайчонок что-то кричал.

А Джим на задние лапы встал, передними мне в колени упёрся и лижет зайчонка: успокаивает его, что, значит, не бойся, не таковские мы, ничего плохого тебе не сделаем.

Тут вдруг сынишка говорит:

– Смотри, папа, у него левый бочок лупленный.

Смотрю: на левом боку у зайчонка плешинка. Шерсть содрана, голая кожа – с пятак кружок.

– Эге! – говорю. – Да ведь это мне знакомый зайчишка! Он у дяди Серёжи сбежал. Полезай-ка, дружок, в карман.

Осторожно его под пузечко перехватил и сунул в свою охотничью куртку, в спинной карман. Такой у меня карман есть в куртке: во всю спину, а по бокам – пуговицы. Очень удобно в нём стреляную дичь носить и всякую всячину, что, бывает, на охоте попадается.

Зайчонку там темно, тепло – он и притих.

И сразу мы домой пошли.

По дороге мне пришлось, конечно, всё подробно рассказать сынишке, откуда я этого зайчонка знаю и отчего у него бочок лупленный.

Дядя Серёжа – приятель мой, тоже охотник, живёт на краю деревни, у самого леса. Зайчонка он поймал недели три назад – совсем ещё крошкой – у себя в саду под кустом смородины. Этот зайчонок из листопадничков. У зайчих первые зайчата рождаются весной, когда ещё снег корочкой – наст. И называются они *настовичками*. А последние в году рождаются осенью, когда уже лист с деревьев начинает падать. Их охотники так и зовут – *листопадничками*.

Дядя Серёжа очень этому зайчонку обрадовался. Вот почему: у него, у дяди Серёжи, не так давно ошенилась дворовая собака по кличке Клеопарда. Щенят всех он ещё раньше знакомым своим обещал. А как их у матери отнимешь? И без того злющая Клеопарда совсем с ума сойдёт, на всех начнёт кидаться. Дядя Серёжа и придумал зайчонка ей вместо щенят подложить, чтобы не скучала, не лютовала.

Так и сделал.

Щенята в ящике сидели. Он их оттуда взял, когда матери не было, а на их место зайчонка положил.

Клеопарда пришла – щенят нет, а сидит в ящике малая зверюшка и её собачьим запахом пахнет: в ящике-то всё с её запахом.

Она и не тронула зайчонка: своим признала. Утешилась им. Кости ему стала таскать, лучшие куски мяса. От

такой пищи зайчонок живо бы ножки протянул, да дядя Серёжа кормил его молоком и капустой. Так и не научила Клеопарда своего приёмыша кости глотать и мясо есть – её собачью пищу. Зато научила своей собачьей храбрости.

Клеопарда была отличным сторожем и к хозяйскому дому никого не допускала – ни чужого человека, ни собак. С таким злобным видом вылетала им навстречу, что редкая собака не подожмёт хвоста и не пустится наутёк, не дожидаясь, пока эта серая злока сшибёт с ног. Ростом она была с волчицу.

Зайчонок вырослел быстро. Зайчихи своих детей и двух недель не кормят. По-заячьему, двухнедельный зайчонок уже «большим» считается и должен сам себе разные вкусные травки разыскивать и прятаться от собак.

Этот зайчонок, хоть ещё махонький, живо из ящика выскочил и бегал по всему двору за своей названной матерью. И во всём ей, как обезьянка, подражал. Клеопарда с места – и он за ней. Она на собаку – и он тоже. Она куснёт – и он старается куснуть собаку. А зубы у него передние, – видели зайцев? – длинные, острые, ветки перегрызают. Как куснёт – из собаки шерсть летит! Собаке не до него: только бы от Клеопарды отбиться. Он, зайчонок, и потерял всякий страх перед собаками. Как где увидит, так и несётся навстречу – кусаться. Храбрый волчонка стал. Соседские собаки все его боялись.

Да вот раз забрёл на двор к дяде Серёже какой-то дальний щенок, который ни Клеопарды не знал, ни храброго её сынишки.

Клеопарды тут не случилось поблизости, а зайчонок её, напившись молочка, спал на сене под ящиком.

Щенок подбежал к ящику – зайчишка! И кинулся на него.

Собака, конечно, не то что заяц. Если по-заячьему двухнедельный зайчонок уже большим считается, то у трёхнедельной собачонки ещё только глаза прорезаются. Она и в три месяца считается щенком.

Этому щенку месяца четыре уже стукнуло от роду, а он был ещё совсем глупый. Очень хотелось ему зайца поймать. А как за дело взяться толком, он не знал – не приходилось ему ещё на охоте бывать.

Он прыгнул на зайчонка и хватя его зубами за бочок! Надо бы за шиворот или ещё как, а он за бок.

Ну, конечно, шерсти клок выдрал порядочный, плешинку на боку сделал, а удержать не мог. Зайчонок как вскочит, как махнёт с перепугу через ящик – только его щенок и видел! А тут ещё Клеопарда прибежала – пришлось щенку поскорей убираться со двора подобру-поздорову.

Клеопарда своему зайчонку рану зализала. Известно ведь: собачий язык – лучше всякого лекарства и раны заживает превосходно.

Но зайчонок после этого случая жить на дворе у дяди Серёжи больше не захотел. Ночью пролез сквозь забор – и в лес.

Да вот трёх дней не прошло, Джим наш его в лесу и поймал.

Сынишка рассказ мой выслушал и губы надул, чуть не плачет.

– Ну, вот, – говорит. – Ты его, значит, дяде Серёже несёшь. А я думал, он у нас поживёт...

– Что ж, – говорю. – Сегодня-то уж, конечно, у нас переночует, а завтра сходим к дяде Серёже, попросим. Если ему не надо, может, и уступит нам.

Мы пришли домой, и я выпустил зайчонка на пол. Он сразу в угол, под лавку – и спрятался там.

Сынишка налил ему блюдечко молока, зовёт его:

– Лупленный Бочок, Лупленный Бочок, иди молочко пить. Сладкое!

Зайчонок не выходит.

Сынишка полез за ним под лавку, схватил его за шиворот, вытащил. Зайчонок верещит, задними лапами дрыгает.

– Глупенький, мы же люди, – объясняет ему сынишка,
– мы тебя не обидим.

А зайчонок изловчился – и цоп его зубами за палец!
Так куснул, что даже кровь пошла.

Сынишка вскрикнул, выпустил его.

Зайчонок опять под лавку.

Тут наш котёнок – у нас ещё котёнок тогда был, ростом поменьше зайчонка, – подбежал к блюдечку и начал лакать из него молоко.

Луплений Бочок как выскочит, как кинется на него, как куснёт!

Котёнок птицей от него на печку взвился!

Сынишка сквозь слёзы улыбается:

– Вот так заяц!

Мы поужинали, и Джим первый улёгся спать на своё место – у него свой матрасик в углу. Джим очень устал – ведь целый день по лесу бегал, дичь искал старичок.

Смотрим, Лупленный Бочок к нему ковыляет. Сел на задние лапы, а передними вдруг как забарабанит по Джиму! Джим вскочил и, ворча и оборачиваясь, ушёл под лавку: не драться же с маленьким, – да всё-таки обидно свою постель такому уступать!..

А Лупленный Бочок преспокойно себе улёгся на его матрасике.

Переспали мы ночь. Утром встаём – Джим так и спит под лавкой на голом полу, а котёнок всё на печке сидит, слезть боится.

Я сынишку спрашиваю:

– Ну, что ж, пойдём к дяде Серёже зайчонка себе просить?

Сынишка посмотрел на котёнка, на Джима, на свой завязанный палец и говорит:

– Знаешь что? Пойдём лучше отнесём зайчонка дяде Серёже насовсем.

Так мы и сделали. Ну как, в самом деле, такого скандалиста дома держать! Со всеми дерётся. Уж на что добряк Джим – и с ним не ужился.

Отнесли мы зайчонка дяде Серёже, а он говорит:

– Мне тоже такого не надо. Тащите его, откуда взяли.

Пришлось в лес нести. Там выпустили.

Зайчонок прыг-прыг – и в кусты. Даже «до свиданья» не сказал. Вот какие зайцы бывают!

МИХАИЛ ПРИШВИН

ЛИСИЧКИН ХЛЕБ

Однажды я проходил в лесу целый день и под вечер вернулся домой с богатой добычей. Снял я с плеч тяжёлую сумку и стал своё добро выкладывать на стол.

– Это что за птица? – спросила Зиночка.

– Терентий, – ответил я.

И рассказал ей про тетерева, как он живёт в лесу, как бормочет весной, как берёзовые почки клюёт, ягоды осенью в болотах собирает, зимой греется от ветра под снегом. Рассказал ей тоже про рябчика, показал ей, что серенький, с хохолком, и посвистел в дудочку по-рябчиному и ей дал посвистеть.

Ещё я высыпал на стол много белых грибов, и красных, и чёрных. Ещё у меня была в кармане кровавая ягода косяника, и голубая черника, и красная брусника. Ещё я

принёс с собой ароматный комочек сосновой смолы, дал понюхать девочке и сказал, что этой смолкой деревья лечатся.

– Кто же их там лечит? – спросила Зиночка.

– Сами лечатся, – ответил я. – Придёт, бывало, охотник, захочется ему отдохнуть, он и воткнёт топор в дерево и на топор сумку повесит, а сам ляжет под деревом. Поспит, отдохнёт. Вынет из дерева топор, сумку наденет, уйдёт. А из ранки от топора из дерева побежит эта ароматная смолка и ранку эту затянет.

Тоже, нарочно для Зиночки, принёс я разных чудесных трав по листику, по корешку, по цветочку: кукушкины слёзки, валерьянка, петров крест, заячья капуста. И как раз под заячьей капустой лежал у меня кусок чёрного хлеба: со мной это постоянно бывает, что, когда не возьму хлеба в лес – голодно, а возьму – забуду съесть и назад принесу.

А Зиночка, когда увидала у меня под заячьей капустой чёрный хлеб, так и обомлела:

– Откуда же это в лесу взялся хлеб?

– Что же тут удивительного? Ведь есть же там капуста...

– Заячья...

– А хлеб – Лисичкин. Отведай.

Осторожно попробовала и начала есть.

– Хороший Лисичкин хлеб.

И съела весь мой чёрный хлеб дочиста. Так и пошло у нас. Зиночка, копуля такая, часто и белый-то хлеб не берёт, а как я из лесу лисичкин хлеб принесу, съест всегда его весь и похвалит:

– Лисичкин хлеб куда лучше нашего!

ЁЖ

Раз я шёл по берегу нашего ручья и под кустом заметил ежа. Он тоже заметил меня, свернулся и затукал: тук-тук-тук. Очень похоже было, как если бы вдали шёл автомобиль. Я прикоснулся к нему кончиком сапога – он страшно фыркнул и поддал своими иголками в сапог.

– А, ты так со мной! – сказал я и кончиком сапога спихнул его в ручей.

Мгновенно ёж развернулся в воде и поплыл к берегу, как маленькая свинья, только вместо щетины на спине были иголки. Я взял палочку, скатил ею ежа в свою шляпу и понёс домой.

Мышей у меня было много, я слышал – ёжик их ловит, и решил: пусть он живёт у меня и ловит мышей.

Так положил я этот колючий комок посреди пола и сел писать, а сам уголком глаза всё смотрю на ежа. Недолго он лежал неподвижно: как только я затих у стола, ёжик развернулся, огляделся, туда попробовал идти, сюда и выбрал себе, наконец, место под кроватью и там совершенно затих.

Когда стемнело, я зажёл лампу и – здравствуйте! –

ёжик выбежал из-под кровати. Он, конечно, подумал на лампу, что это луна взошла в лесу: при луне ежи любят бегать по лесным полянкам. И так он пустился бегать по комнате, представляя, что это лесная полянка.

Я взял трубку, закурил и пустил возле луны облачко. Стало совсем как в лесу: и луна, и облако, а ноги мои были как стволы деревьев и, наверное, очень нравились ёжику: он так и шнырял между ними, понюхивая и почёсывая иголками задник у моих сапог.

Прочитав газету, я уронил её на пол, перешёл в кровать и уснул.

Сплю я всегда очень чутко. Слышу – какой-то шелест у меня в комнате. Чиркнул спичкой, зажёл свечу и только заметил, как ёж мелькнул под кровать. А газета лежала уже не возле стола, а посередине комнаты. Так я и оставил гореть свечу и сам не сплю, раздумывая: «Зачем это ёжику газета понадобилась?» Скоро мой жилец выбежал из-под кровати – и прямо к газете, завертелся возле неё, шумел, шумел и наконец ухитрился: надел себе как-то на колючки уголок газеты и потащил её, огромную, в угол.

Тут я и понял его: газета ему была как в лесу сухая листва, он тащил её себе для гнезда. И оказалось, правда: в скором времени ёж весь обернулся газетой и сделал себе из неё настоящее гнездо. Кончив это важное дело, он вышел из своего жилища и остановился против кровати, разглядывая свечу – луну.

Я подпустил облака и спрашиваю:

– Что тебе ещё надо?

Ёжик не испугался.

– Пить хочешь?

Я встал. Ёжик не бежит.

Взял я тарелку, поставил на пол, принёс ведро с водой и то налью воды на тарелку, то опять вылью в ведро, и так шумлю, будто это ручеёк поплёскивает.

– Ну, иди, иди... – говорю. – Видишь, я для тебя и луну устроил, и облака пустил, и вот тебе вода...

Смотрю: будто двинулся вперёд. Я тоже немного подвинул к нему своё озеро. Он двинется – и я двину, да так и сошлись.

– Пей, – говорю окончательно.

Он и залакал. А я так легонько по колючкам рукой провёл, будто погладил, и всё приговариваю:

– Хороший ты мальй, хороший!

Напился ёж, я и говорю:

– Давай спать.

Лёг и задул свечу.

Вот не знаю, сколько я спал, слышу: опять у меня в комнате работа.

Зажигаю свечу – и что же вы думаете? Ёжик бежит по комнате, и на колючках у него яблоко. Прибежал в гнездо, сложил его там и за другим бежит в уголок, а в углу стоял мешок с яблоками и завалился. Вот ёж подбежал, свернулся около яблок, дёрнулся и опять бежит – на колючках другое яблоко тащит в гнездо.

Так вот и устроился у меня ёжик. А сейчас я, как чай пить, непременно его к себе на стол и то молока ему налью на блюдечко – выпьет, то булочки дам – съест.

ЖУРКА

Раз было у нас – поймали мы молодого журавля и дали ему лягушку. Он её проглотил. Дали другую – проглотил. Третью, четвёртую, пятую, а больше тогда лягушек у нас под рукой не было.

– Умница! – сказала моя жена и спросила меня: – А сколько он может съест их? Десять может?

– Десять, – говорю, – может.

– А ежели двадцать?

– Двадцать, – говорю, – едва ли...

Подрезали мы этому журавлю крылья, и стал он за женой всюду ходить. Она корову доить – и Журка с ней, она в огород – и Журке там надо, и тоже на полевые, колхозные работы ходит с ней, и за водой. Привыкла к нему жена, как к своему собственному ребёнку, и без него ей уж скучно, без него никуда. Но только ежели случится – нет его, крикнет только одно: «Фру-фру!», и он к ней бежит. Такой умница.

Так живёт у нас журавль, а подрезанные крылья его всё растут и растут.

Раз пошла жена за водой вниз, к болоту, и Журка за ней. Лягушонок небольшой сидел у колодца и прыг от Журки в болото. Журка за ним, а вода глубокая, и с берега до лягушонка не дотянешься. Мах-мах крыльями Журка и

вдруг полетел. Жена ахнула – и за ним. Мах-мах руками, а подняться не может. И в слёзы, и к нам: «Ах, ах, горе какое! Ах, ах!» Мы все прибежали к колодцу. Видим – Журка далеко, на середине нашего болота сидит.

– Фру-фру! – кричу я.

И все ребята за мной тоже кричат:

– Фру-фру!

И такой умница! Как только услышал он это наше «фру-фру», сейчас мах-мах крыльями и прилетел. Тут уж жена себя не помнит от радости, велит ребятам бежать скорее за лягушками. В этот год лягушек было множество, ребята скоро набрали два картуза. Принесли ребята лягушек, стали давать и считать. Дали пять – проглотил, дали десять – проглотил, двадцать, тридцать, да так вот и проглотил за один раз сорок три лягушки.

ЗОЛОТОЙ ЛУГ

У нас с братом, когда созревают одуванчики, была с ними постоянная забава. Бывало, идём куда-нибудь на свой промысел – он впереди, я в пяту.

«Сережа!» – позову я его деловито. Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазеваешься, фукнет. И так мы эти неинтересные цветы срывали только для забавы. Но раз мне удалось сделать открытие.

Мы жили в деревне, перед окном у нас был луг, весь золотой от множества цветущих одуванчиков. Это было очень красиво. Все говорили: «Очень красиво! Луг – золотой». Однажды я рано встал удить рыбу и заметил, что луг был не золотой, а зелёный. Когда же я возвращался около полудня домой, луг был опять весь золотой. Я стал наблюдать. К вечеру луг опять позеленел. Тогда я пошёл, отыскал одуванчик, и оказалось, что он сжал свои лепестки, как всё равно если бы у нас пальцы со стороны ладони

были жёлтые и, сжав в кулак, мы закрыли бы жёлтое. Утром, когда солнце взошло, я видел, как одуванчики раскрывают свои ладони, и от этого луг становится опять золотым.

С тех пор одуванчик стал для нас одним из самых интересных цветов, потому что спать одуванчики ложились вместе с нами, детьми, и вместе с нами вставали.

ОТРАЖЕНИЕ

Мы идём с Ладой – моей охотничьей собакой – вдоль небольшого озера. Вода сегодня такая тихая, что летящий кулик и его отражение в воде были совершенно одинаковы: казалось, летели нам навстречу два кулика. Весной в первую прогулку Ладе разрешается гоняться за птичками. Она заметила двух летящих куликов – летели прямо на неё, скрытую от них кустиком. Лада наметилась.

Какого она выберет себе: настоящего, летящего над водой, или его отражение в воде – оба ведь схожи между собой, как две капли воды. Вот бедная Лада выбирает себе отражение и, наверное, думая, что сейчас поймает живого кулика, с высокого берега делает скачок и бухается в воду. А верхний, настоящий кулик улетает.

Слышал я в Сибири, около озера Байкал, от одного гражданина про медведя и, признаюсь, не поверил. Но он меня уверял, что об этом случае в старое время даже в сибирском журнале было напечатано под заглавием: «Человек с медведем против волков».

Жил на берегу Байкала один сторож, рыбу ловил, белок стрелял. И вот раз будто бы видит в окошко этот сторож – бежит прямо к избе большой медведь, а за ним гонится стая волков. Вот-вот бы и конец медведю... Он, мишка этот, не будь плох, в сени, дверь за ним сама закрылась, а он ещё на неё лапу и сам привалился. Старик, поняв это дело, снял винтовку со стены и говорит:

– Миша, Миша, поддержи!

Волки лезут на дверь, а старик выцеливает волка в окно и повторяет:

– Миша, Миша, поддержи!

Так убил одного волка, и другого, и третьего, всё время приговаривая:

– Миша, Миша, поддержи...

После третьего стая разбежалась, а медведь остался в избе зимовать под охраной старика. Весной же, когда медведи выходят из своих берлог, старик будто бы надел на этого медведя белый ожерёлок и всем охотникам наказал, чтобы медведя этого – с белым ожерёлком – никто не стрелял: этот медведь – его друг.

БЕЛИЧЬЯ ПАМЯТЬ

Сегодня, разглядывая на снегу следы зверушек и птиц, вот что я по этим следам прочитал: белка пробилась сквозь снег в мох, достала там с осени спрятанные два ореха, тут же их съела – я скорлупки нашёл. Потом отбежала десяток метров, опять нырнула, опять оставила на снегу скорлупу и через несколько метров сделала третью полазку.

Что за чудо? Нельзя же подумать, чтобы она чуюла запах ореха через толстый слой снега и льда. Значит, помнила с осени о своих орехах и точное расстояние между ними.

Но самое удивительное – она не могла отмеривать, как мы, сантиметры, а прямо на глаз с точностью определяла, ныряла и доставала. Ну как было не позавидовать беличьей памяти и смекалке!

Недолго пришлось нам дожидаться разлива. В одну ночь после сильного, очень тёплого дождя воды прибавилось сразу на метр, и отчего-то невидимый ранее город Кострома с белыми зданиями показался так отчётливо, будто раньше он был под водой и только теперь из-под неё вышел на свет. Тоже и горный берег Волги, раньше терявшийся в снежной белизне, теперь возвышался над водой, жёлтый от глины и песка. Несколько деревень на холмиках были кругом обойдены водой и торчали, как муравейники.

На великом разливе Волги там и тут виднелись копеечки незалитой земли, иногда голые, иногда с кустарником, иногда с высокими деревьями. Почти ко всем этим копеечкам жались утки разных пород, и на одной косе длинным рядом, один к одному, гляделись в воду гуси-гуменники. Там, где земля была совсем затоплена и от бывшего леса торчали только вершинки, как частая шерсть, всюду эти шерстинки покрывались разными зверьками. Зверьки иногда сидели на ветках так густо, что обыкновенная какая-нибудь веточка ивы становилась похожа на гроздь чёрного крупного винограда.

Водяная крыса плыла к нам, наверно, очень издалека и, усталая, прислонилась к ольховой веточке. Лёгкое волнение воды пыталось оторвать крысу от её пристани. Тогда она поднялась немного по стволу, села на развилочку.

Тут она прочно устроилась: вода не доставала её. Только изредка большая волна, «девятый вал», касалась её хвоста, и от этих прикосновений в воде рождались и уплывали кружочки.

А на довольно-таки большом дереве, стоящем, наверно, под водой на высоком пригорке, сидела жадная, голодная ворона и выискивала себе добычу. Невозможно бы ей было углядеть в развилочке водяную крысу, но на

волне от соприкосновения с хвостом плыли кружочки, и вот эти-то кружочки и выдали вороне местопребывание крысы. Тут началась война не на живот, а на смерть.

Несколько раз от ударов клюва вороны крыса падала в воду, и опять взбиралась на свою развилочку, и опять падала. И вот совсем было уже удалось вороне схватить свою жертву, но крыса не желала стать жертвой вороны.

Собрав последние силы, так ущипнула ворону, что из неё пух полетел, и так сильно, будто её дробью хватили. Ворона даже чуть не упала в воду и только с трудом справилась, ошалелая села на своё дерево и стала усердно оправлять свои перья, по-своему залечивать раны.

Время от времени от боли своей, вспоминая о крысе, она оглядывалась на неё с таким видом, словно сама себя спрашивала: «Что это за крыса такая? Будто так никогда со мной и не бывало!»

Между тем водяная крыса после счастливого своего удара вовсе даже и забыла думать о вороне. Она стала настраивать бисерок своих глазок на желанный наш берег.

Срезав себе веточку, она взяла её передними лапками, как руками, и зубами стала грызть, а руками повёртывать. Так она обглодала дочиста всю веточку и бросила её в воду. Новую же срезанную веточку она не стала глодать, а прямо с ней спустилась вниз и поплыла и потащила веточку на буксире.

Всё это видела, конечно, хищная ворона и провожала храбрую крысу до самого нашего берега.

Однажды мы сидели у берега и наблюдали, как из воды выходили землеройки, полёвки, водяные крысы, и норки, и заюшки, и горностаюшки, и белки тоже сразу большой массой приплыли и все до одной держали хвостики вверх.

Каждую зверушку мы, как хозяева острова, встречали, принимали с родственным вниманием и, поглядев, пропускали бежать в то место, где полагается жить её породе.

Но напрасно мы думали, что знаем всех наших гостей. Новое знакомство началось словами Зиночки.

– Поглядите, – сказала она, – что же это делается с нашими утками!

Эти наши утки выведены от диких, и мы возили их для охоты: утки кричат и подманивают диких селезней на выстрел.

Глянули на этих уток и видим, что они отчего-то стали много темнее и, главное, много толще.

– Отчего это? – стали мы гадать, додумываться.

И пошли за ответом на загадку к самим уткам. Тогда оказалось, что для бесчисленного множества плывущих по воде в поисках спасения паучков, букашек и всяких насекомых наши утки были двумя островами, желанной суши.

Они взбирались на плавающих уток в полной уверенности, что наконец-то достигли надёжного пристанища и опасное странствование их по водам кончено. И так их было много, что утки наши толстели и толстели заметно у нас на глазах.

Так наш берег стал островом спасения для всех зверей – больших и маленьких.

ФИЛИН

Ночью злой хищник филин охотится, днём прячется. Говорят, будто днём он плохо видит и оттого прячется. А по-моему, если бы он и хорошо видел, всё равно ему бы днём нельзя было никуда показаться – до того своими ночными разбоями нажил он себе много врагов.

Однажды я шёл опушкой леса. Моя небольшая охотничья собачка, породы спаниэль, а по прозвищу Сват, что-то причуяла в большой куче хвороста. Долго с лаем бегал он вокруг кучи, не решаясь подлезть под неё.

– Брось! – приказал я, – Это ёж.

Так у меня собачка приучена: скажу «ёж», и Сват бросает.

Но в этот раз Сват не послушался и с ожесточением бросился на кучу и ухитрился подлезть под неё.

«Наверно, ёж», – подумал я.

И вдруг с другой стороны кучи, под которую подлез Сват, из-под неё выбегает на свет филин, ушастый и огромных размеров и с огромными кошачьими глазами.

Филин на свету – это огромное событие в птичьем мире. Бывало, в детстве приходилось попадать в тёмную комнату – чего-чего там не покажется в тёмных углах, и больше всего я боялся чёрта. Конечно, это глупости, и никакого чёрта нет для человека. Но у птиц, по-моему, чёрт есть – это их ночной разбойник филин. И когда филин выскочил из-под кучи, то это было для птиц всё равно, как если бы у нас на свету чёрт показался.

Единственная ворона была, пролетала, когда филин, согнувшись, в ужасе перебежал из-под кучи под ближайшую ёлку. Ворона увидела разбойника, села на вершину этой ёлки и крикнула совсем особенным голосом:

– Кра!

До чего это удивительно у ворон! Сколько слов нужно человеку, а у них одно только «кра» – на все случаи, и в каждом случае это словечко всего только в три буквы благодаря разным оттенкам звука означает разное. В этом случае воронье «кра» означало, как если бы мы в ужасе крикнули:

– Чёр-р-р-рт!

Страшное слово прежде всего услышали ближайшие вороны и, услышав, повторили, и более отдалённые, услышав, тоже повторили, и так в один миг несметная стая, целая туча ворон с криком: «Чёрт!» – прилетела и облепила высокую ёлку с верхнего сучка и до нижнего.

Услышав переполох в вороньем мире, тоже со всех сто-

рон прилетели галки чёрные с белыми глазами, сойки бурые с голубыми крыльями, ярко-жёлтые, почти золотые иволги. Места всем не хватило на ёлке, много соседних деревьев покрылось птицами, и всё новые и новые прибывали: синички, гаечки, московки, трясогузки, пеночки, зорянки и разные покрапивнички.

В это время Сват, не понимая, что филин давно уже выскочил из-под кучи и прошмыгнул под ёлку, всё там орал и копался под кучей. Вороны и все другие птицы глядели на кучу, все они ждали Свата, чтобы он выскочил и выгнал филина из-под ёлки.

Но Сват всё возился, и нетерпеливые вороны кричали ему слово:

– Кра!

В этом случае это означало просто:

– Дурак!

И наконец, когда Сват причуял свежий след и вылетел из-под кучи и, быстро разобравшись в следах, направился к ёлке, все вороны в один общий голос опять крикнули по-нашему:

– Кра!

А по-ихнему это значило:

– Правильно!

И когда филин выбежал из-под ёлки и стал на крыло, опять вороны крикнули:

– Кра!

И это теперь значило:

– Брать!

Все вороны поднялись с дерева, вслед за воронами все галки, сойки, иволги, дрозды, вертишейки, трясогузки, щеглы, синички, гаечки, московочки, и все эти птицы помчались тёмной тучей за филином и все орали одно только:

– Брать, брать, брать!

Я забыл сказать, что, когда филин становился на кры-

ло, Сват успел-таки вцепиться зубами в хвост, но филин рванулся, и Сват остался с филиновыми перьями и пухом в зубах.

Озлобленный неудачей, он помчался полем за филином и первое время бежал, не отставая от птиц.

– Правильно, правильно! – кричали ему некоторые вороны.

И так вся туча птиц скоро скрылась на горизонте, и Сват тоже исчез за перелеском. Чем всё кончилось, не знаю.

Сват вернулся ко мне только через час с филиновым пухом во рту.

И ничего не могу сказать, тот ли это пух у него остался, который взял он, когда филин на крыло становился, или же птицы доконали филина и Сват помогал им в расправе со злодеем.

Что не видал, то не видал, а врать не хочу.

НИКОЛАЙ СЛАДКОВ

ДЯТЕЛ

Шёл я просекой. Вдруг слышу – стучит! На пути сухое дерево. Я к дереву – никого! Посмотрел наверх – дупло. А внизу, под деревом, свежие щепочки.

Дятел старается!

Только старается он не на дереве, а в дереве.

На дереве козырьком гриб-трухляк. Под грибом дупло, как слуховое оконце. Ударил я каблуком по дереву – в слуховое оконце высунулась носатая голова в красной тюбетейке.

– Здравствуй, помощник!

Люблю я дятлов. Дятлы поедают много разных вредных короедов, нам, лесникам, помогают сохранять лес. Увидел меня дятел, испугался и улетел.

Нелегко дятлу носом своим, как топором, вырубить в сухом дереве дупло для гнезда. А тут мешают ещё!

Я больше дятлу не мешал. Но покоя ему не было; то вихрь раскачивал дерево, то косой дождь заливал дупло. А однажды забралась в дупло лупоглазая белка-летяга. Дятел кричал, прыгал у дупла, а летяга спокойно смотрела на него из оконца под грибком большими птичьими глазами. И только когда я палкой стукнул по дереву, летяга выскочила и полетела, как кленовый лист, распластавшись в воздухе.

Каждый раз, шагая по просеке, я прислушивался: стучит ли? И слышал – стучит! Стук стал совсем глухой: видно, дятел долбил уже глубоко. А под деревом всё росла и росла кучка жёлтой посорки. И уже теперь, когда я стучал сапогом по дереву, дятел не улетал, а только выглядывал. Тюбетейка у него была засыпана трухой.

Как-то, проходя просекой, я увидел ястреба. Он промчал над самой моей головой и вдруг закружил вокруг дерева, шаркая крыльями по коре. А по дереву, спасаясь от ястреба, заметался мой дятел.

Дятел – в дупло, ястребок – хватить! И, видно, цапнул! Полетели пёрышки. Я выстрелил в налётчика, и он упал. А дятел выпорхнул из дупла и прицепился на соседнее дерево. Он нахохлился и спрятал клюв в перья. Белые пёрышки на крыле покраснели от крови. Выживет ли?

Назавтра, шагая по просеке, я ещё издали прислушался.

И слышу – стучит!

На радостях я так грохнул сапогом по дереву, что оно качнулось. В окошке под грибком показалась знакомая носатая голова в красной тюбетейке. Работяга весь был в древесной трухе. Он сердито покосился на меня одним глазом, качнул носом – будто чихнул. Видно, труха в ноздри набилась.

– Будь здоров! – крикнул я дятлу.

Дятел нырнул в дупло и застучал опять. Ему было не до шуток. Он спешил закончить своё гнездо. Будет у меня летом целая семья помощников.

Медведицы – строгие матери, а медвежата – неслухи. Пока ещё сосут, сами сзади бегают, в ногах путаются.

А подрастут – беда!

Да и медведицы сами со слабинкой: любят в холодке подремать. А весело ли медвежатам слушать их сонное сопение, когда кругом столько заманчивых шорохов, писков, песен!

От цветка к кусту, от куста к дереву – и забредёт...

Вот такого неслуха, удравшего от матери, я однажды и встретил в лесу.

Я сидел у ручья и макал сухарь в воду. Был я голоден, а сухарь был жёсткий, потому трудился я над ним очень долго, так долго, что лесным жителям надоело ждать, пока я уйду, и они стали вылезать из своих тайников.

Вот вылезли на пенёк два зверька-полчка. В камнях запищали мыши: видно, подрались. И вдруг на поляну выскочил медвежонок.

Медвежонок как медвежонок: головастый, губастый, неловкий.

Увидел медвежонок пенёк, тряхнул курдючком – и бокком с подскоком прямо к нему. Полчки в норку, да что за беда! Медвежонок хорошо помнил, какими вкусными вещами угощала его мать у каждого такого пня. Успевай только облизываться!

Обошёл мишка пенёк слева – никого нет. Заглянул справа – никого. Сунул нос в щель – полчками пахнет! Вылез на пенёк, поцарапал пенёк лапой. Пенёк как пенёк.

Растерялся мишка, притих. Оглянулся кругом.

А кругом лес, густой, тёмный. В лесу шорохи.

Слез мишка с пня и потрусил дальше.

На пути – камень. Повеселел мишка: дело знакомое! Подсунул лапу под камень, упёрся, нажал плечом. Поддался камень, пискнули под ним испуганные мышенята.

Бросил мишка камень да обеими лапами под него. Поторопился – камень упал и придавил мишке лапу. Взвыл мишка, затряс больной лапой. Потом полизал, полизал её да и похромал дальше.

Плетётся, по сторонам больше не глазеет, под ноги смотрит. И видит – гриб.

Пуглив стал мишка. Обошёл гриб кругом. Глазами видит – гриб, можно съесть. А носом – чует: плохой гриб, нельзя есть! А есть хочется, да страшно!

Рассердился мишка да как треснет по грибу здоровой лапой! Лопнул гриб. Пыль из него фонтаном жёлтая, едкая, да прямо мишке в нос.

Это был гриб-пыхтун. Зачихал мишка, закашлял. Потом протёр глаза, сел на задок и завыл тихо-тихонечко.

А кто услышит? Кругом лес, густой, тёмный. В лесу шорохи.

И вдруг – плюх! Лягушка!

Мишка правой лапой – лягушка влево.

Мишка левой лапой – лягушка вправо.

Нацелился мишка, рванулся вперёд и подмял лягушку под себя. Зацепил лапой, вытащил из-под брюха. Тут бы ему и съесть лягушку с аппетитом – первую свою добычу.

А ему – дурачку – только бы играть.

Повалился на спину, катается с лягушкой, сопит, взвизгивает, будто его под мышками щекочут: то подкинет лягушку, то из лапы в лапу перекинет. Играл, играл да и потерял лягушку.

Обнюхал траву кругом – нет лягушки. Так и брякнулся мишка на задок, разинул рот, чтоб заорать, да и остался с открытым ртом: из-за кустов на него глядела старая медведица.

Медвежонок очень обрадовался своей мохнатой мамаше: уж она-то приласкает его и лягушку ему найдёт.

Жалостно скуля и прихрамывая, он потрусил ей навстречу, да вдруг получил такую затрещину, что разом сунулся носом в землю.

Вот так приласкала!

Обозлился мишка, вскинулся на дыбки, рывкнул на мать. Рывкнул и опять покатился в траву от оплеухи.

Видит – плохо дело! Вскочил, и бегом в кусты.

Медведица – за ним.

Долго слышал я, как трещали сучья и как рывкал медвежонок от маминых затрещин.

«Ишь, как уму да осторожности его учит!» – подумал я.

Убежали медведи, так меня и не заметили. А впрочем, кто их знает?

Кругом лес, густой, тёмный. В лесу шорохи. Лучше уйди поскорей: ружья-то у меня нету.

Много у меня среди диких птиц знакомых. Воробья одного знаю. Он весь белый – альбинос. Его сразу отличишь в воробьиной стайке: все серые, а он белый.

Сороку знаю. Эту я по нахальству отличаю. Зимой, бывало, люди за окно продукты вывешивают, так она сейчас же прилетит и всё растреплет.

А вот галку одну я заметил за её вежливость.

Была метель.

Ранней весной бывают особые метели – солнечные. Снежные вихри завиваются в воздухе, всё сверкает и несётся! Каменные дома похожи на скалы. Наверху буран, с крыш, как с гор, текут снежные водопады. Сосульки от ветра растут в разные стороны, как косматая борода деда-мороза.

А над карнизом, под крышей, есть укромное местечко. Там два кирпича из стены выпали. В этом углублении и устроилась моя галка. Чёрная вся, только на шейке серый воротничок. Галка грелась на солнце, да ещё и расклёвывала какой-то лакомый кусок. Уютное местечко!

И вдруг вижу – подлетает к моей большой галке другая, поменьше и цветом потусклее.

Прыг-скок по карнизу. Круть-верть хвостом! Села напротив моей галки и смотрит.

Ветер её треплет – так перья и заламывает, так белой крупой и сечёт!

Моя галка кусок свой схватила в клюв – и шасть из углубления на карниз! Тёпленькое местечко чужой уступила!

А чужая галка хватать у моей кусок из клюва – и на её тёпленькое местечко. Лапкой чужой кусок прижала – клюёт. Вот бессовестная!

Моя галка на карнизе – под снегом, на ветру, без еды. Снег её сечёт, ветер перья заламывает. А она, глупая, терпит! Не выгоняет маленькую.

«Наверное, – думаю, – чужая галка очень старая, вот ей место и уступают. А может, это всем известная и всеми уважаемая галка? Или, может, она маленькая, да удаленькая – драчунья». Ничего я тогда не понял...

А недавно вижу: обе галки – моя и чужая – сидят себе рядышком на старой печной трубе и у обеих в клювах прутики.

Эге, гнездо строят! Тут уж каждый поймёт. И маленькая галка совсем не старая и не драчунья. Да и не чужая она теперь. И уж конечно, не всеми уважаемая.

А моя знакомая большая галка совсем не галка, а гал!

Но всё равно мой знакомый гал очень вежливый. Я такого первый раз вижу.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЗВЕРЬ

Кошка ловит мышей, чайка ест рыбу, мухоловка – мух. Скажи, что ты ешь, и я скажу, кто ты. И слышу я голосок:

– Угадай, кто я? Я ем жуков и муравьёв!

Я подумал и твёрдо сказал:

– Дятел!

– Вот и не угадал! Ещё я ем ос и шмелей!

– Ага! Ты птица осоед!

– Не осоед! Ещё я ем гусениц и личинок.

– Гусениц и личинок любят дрозды.

– А я не дрозд! Ещё я грызу сброшенные лосями рога.

– Тогда ты, наверное, лесная мышь.

– И вовсе не мышь. Бывает, я сама ем даже мышей!

– Мышей? Тогда ты, конечно, кошка.

– То мышка, то кошка! И совсем ты не угадал.

– Покажись! – крикнул я. И стал вглядываться в тёмную ель, откуда слышался голосок:

– Покажись. Только ты признай себя побеждённым.

– Рано! – ответил я.

– Иногда я ем ящериц. А изредка рыбу.

– Может, ты цапля?

– Не цапля. Я ловлю птенцов и таскаю из птичьих гнёзд яйца.

– Похоже, что ты куница.

– Не говори мне про куницу. Куница мой старый враг. А ем я ещё почки, орехи, семена ёлок и сосен, ягоды и грибы.

Я рассердился и крикнул:

– Скорей всего, ты – свинья! Ты лопаешь всё подряд. Ты одичавшая свинья, которая сглупу забралась на ёлку!

– Сдаёшься? – спросил голосок.

Ветки качнулись, раздвинулись, и увидел я... белку!

– Запомни! – сказала она. – Кошки едят не только мышей, чайки ловят не только рыбу, мухоловки глотают не одних мух. А белки грызут не только орешки.

СИНИЧКА НЕОБЫКНОВЕННАЯ

Звонкоголосую и белощёкую нашу синицу называют большой или обыкновенной. Что большая, согласен: она больше других синиц – пухляков, москочков, лазоревков. Но что обыкновенная – не могу согласиться!

Она поразила меня с первой же встречи. А было это давным-давно. Она попала в мой западок. Я взял её в руку, и она... умерла! Только что была живая и резвая, щипала с вывертами за пальцы – и вот умерла. Я растерянно разжал руку

Синичка неподвижно лежала на раскрытой ладони вверх лапками, и глаза затянулись белым. Я подержал её, подержал – и положил на пенёк. И только руку отвёл – синичка вскрикнула и улетела!

Какая же она обыкновенная, если такая необыкновенная обманщица! Захочет – умрёт, захочет – воскреснет.

Потом я узнал, что многие птицы впадают в какое-то странное оцепенение, если их положить спинкой вниз. Но

у синички это получается лучше всех и часто спасает её от неволи.

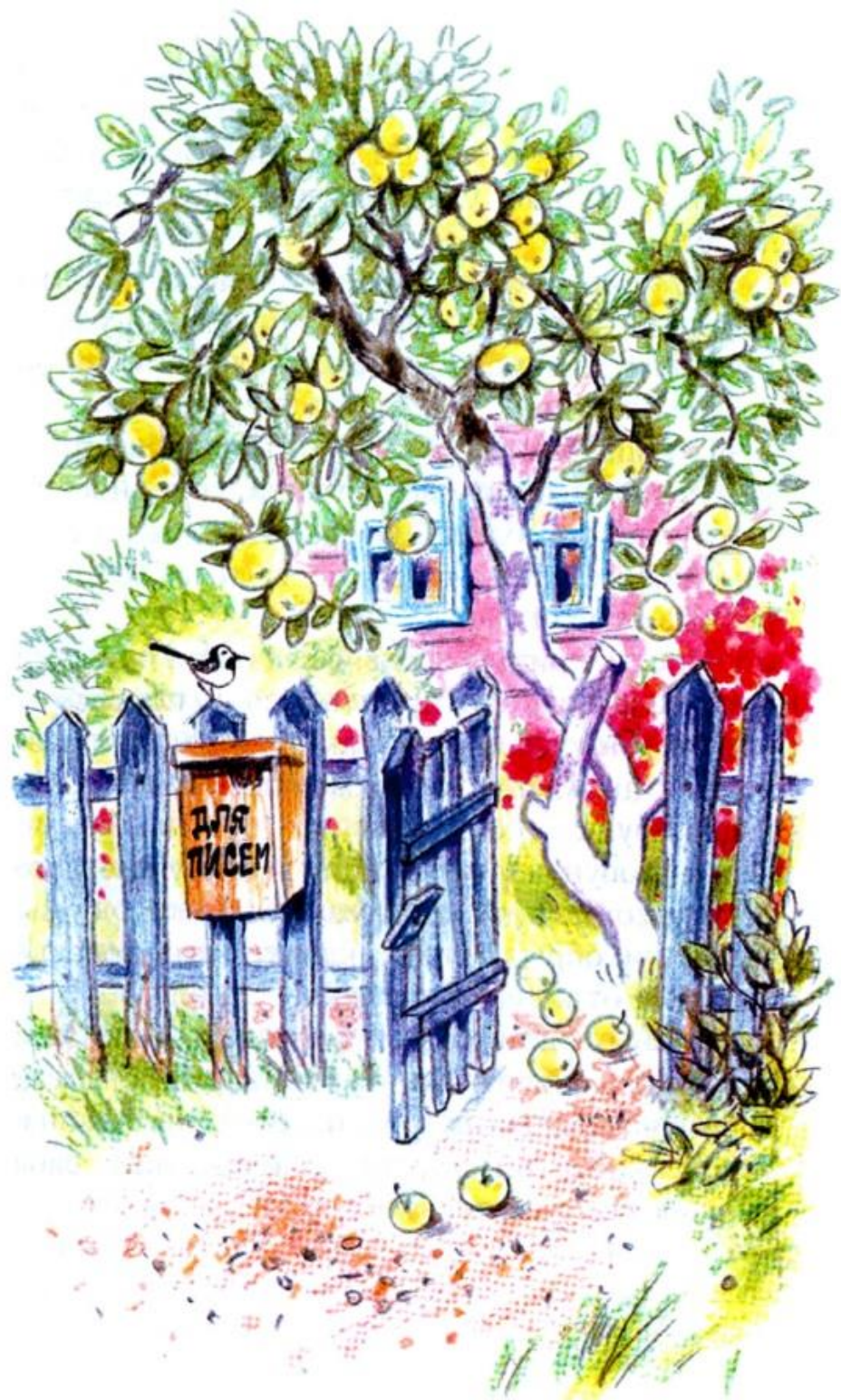

ТРЯСОГУЗКИНЫ ПИСЬМА

У калитки в сад прибит почтовый ящик. Ящик самодельный, деревянный, с узкой щелью для писем. Почтовый ящик так долго висел на заборе, что доски его стали серыми и в них завёлся древооточец.

Осенью залетел в сад дятел. Прицепился к ящику, стукнул носом и сразу угадал: внутри древооточина! У самой щели, в которую опускают письма, выдолбил круглую дырку.

А весной прилетела в сад трясогузка – тоненькая серенькая птичка с длинным хвостиком. Она вспорхнула на почтовый ящик, заглянула одним глазком в дыру, пробитую дятлом, и облюбовала ящик под гнездо. Трясогузку эту мы прозвали Почтальоном. Не потому, что она поселилась в почтовом ящике, а потому, что она, как настоящий почтальон, стала приносить и опускать в ящик разные бумажки.

Когда же приходил настоящий почтальон и опускал в ящик письмо, перепуганная трясогузка вылетала из ящика и долго бегала по крыше, тревожно попискивая и качая длинным хвостиком. И мы уже знали: тревожится птичка – значит, есть нам письмо.

Скоро вывела наша почтальонша птенцов. Тревог и забот у неё на целый день: и кормить птенцов надо, и от врагов защищать.

Стоило теперь почтальону только показаться на улице, как трясогузка уже летела ему навстречу, порхала у самой головы и тревожно пищала. Птичка хорошо узнавала его среди других людей.

Услышав отчаянный писк трясогузки, мы выбегали навстречу почтальону и брали у него газеты и письма: мы не хотели, чтобы он тревожил птичку.

Птенцы быстро росли. Самые ловкие стали уже выглядывать из щели ящика, крутя носами и жмурясь от солнца. И однажды вся весёлая семейка улетела на широкие, залитые солнцем речные отмели.

А когда пришла осень, в сад опять прилетел бродяга дятел. Он прицепился к почтовому ящику и носом своим, как долотом, так раздолбил дыру, что в неё можно было просовывать руку.

Я просунул руку в ящик и вынул из него все трясогузкины «письма». Были там сухие травинки, обрывки газет, клочки ваты, волосы, фантики от конфет, стружки.

За зиму ящик совсем одряхлел, для писем он уже не годился. Но мы его не выбрасываем: ждём возвращения серенького почтальона. Ждём, когда он опустит в наш ящик своё первое весеннее письмо.

Я сидел на озере, задвинув лодку в тростник.

Был полдень – тихий и сонный. По зелёным тростникам лениво ползли золотые солнечные колечки. Как хорошо!

В тростнике зашуршало. Кто-то продирался сквозь тесные стебли.

Вот дрогнули тростинки – высунулся плоский нос. Тотчас и по носу, как по тростнику, заколыхались солнечные колечки.

Утка!

У всех уток всегда деловой, ужасно занятой вид. Но эта маленькая утица – с носом в колечках, с ярко-зелёными зеркальцами на крыльях, – эта чируша была сама озабоченность. Она тихо крякнула и, упираясь перепончатыми лапами, продралась вперёд, на чистую воду. За ней гуськом, по пробитой дорожке, торопились пуховые утята – хлопунцы лапчатые.

Последний – самый маленький – отстал. Заспешил, подскочил – и попал шейкой между двумя стеблями тростника, заклинился и повис в воздухе. Запищал отчаянно и лапками зашлёпал по воде.

Утица, хлеща жёсткими крыльями по воде, ринулась назад. Схватила утёнка носом за мягкую шейку, подняла и понесла на чистую воду. Глупыш и в материнском клюве пищал и дрыгал ногами.

Много, ох, много трудов приняла утица, пока вывела своих утят из болота, где было её гнездо, на открытый плёс. Вот и последнего брыкуна вытащила и пустила на воду. Сама окунула головку, вскинулась столбиком, забила в воздухе крыльями – и закрякала что-то своё, утиное, радостное... Да вдруг так столбиком и ушла вниз, под воду, – захлебнулась на утином полслове.

Утята захлопали по воде культяпочками и бегом – лапками по воде – в тростники.

А там, где исчезла утица, звонко, как ладонью, хлопнул по воде рыбий хвостик – и побежали, побежали по воде круги до самого того места, где я сидел. Сердито застучали тростинки друг о друга, будто костяные палочки.

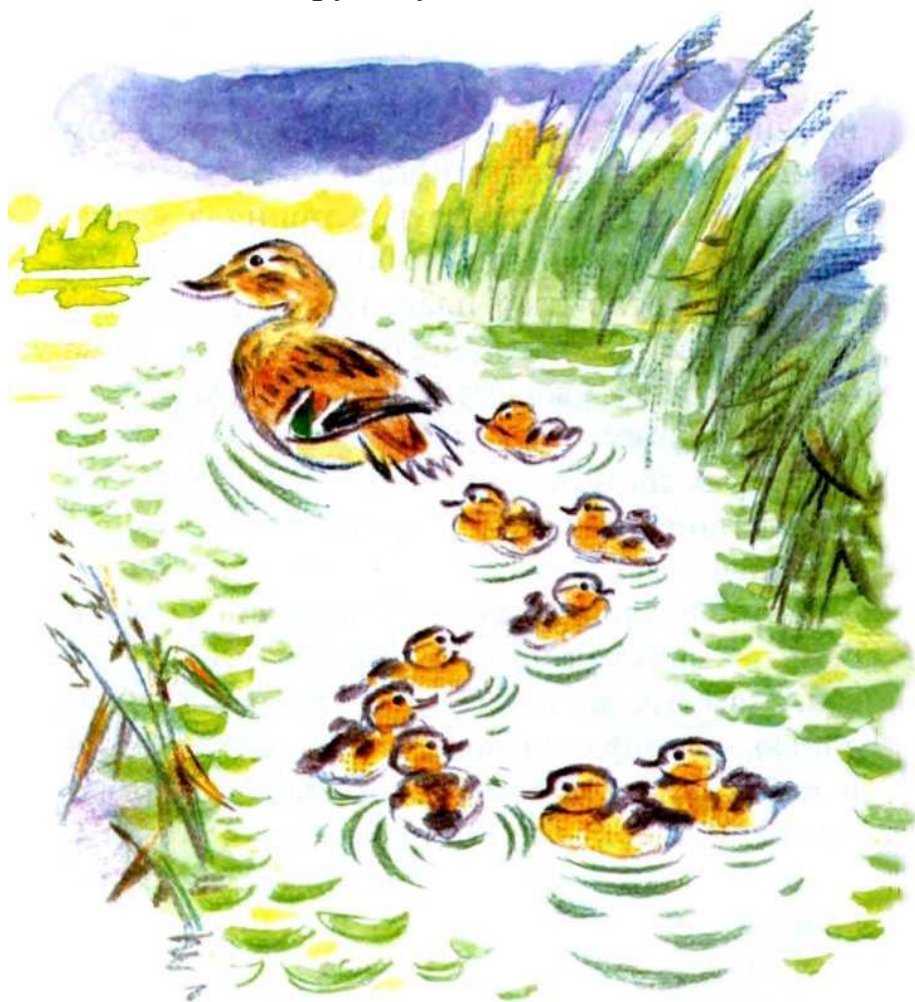
Вот так сомище!

Бедные юнцы-хлопунцы! Как без утицы будете? Кто сигнал тревоги подаст, кто под крылом согреет? Кто за шейку из беды вытащит?

Завозился я в лодке, шлепнул веслом по воде, – хоть напугаю губатого обжору!

И вдруг радостный утиный крик!

Утица чируша стоит на воде, крыльями бьёт и кричит, кричит! Только это другая утица, не та...

Она тоже вывела хлопунцов своих на широкую воду – вот и празднует, и кричит от радости. И хлопунцы другие: совсем ещё маленькие. Плоские носики на зобок уложили; щёчки пухленькие, в жёлтом пушке.

Утица – один глаз в небо: не летит ли хищный лунь? Другой вниз: нет ли под водой врага? Крякнула – и поплыла вдоль стены тростников.

И утята за ней гуськом, один за другим. И все вниз, в воду смотрят: первый раз себя в зеркале увидели. Увидели – и сами себе очень понравились.

«Где-то сейчас те сироты утята?» – подумал я.

А они тут как тут! Выплывают из тростника, культяпочками по воде бьют – спешат вдогон за утицей.

Вот догнали, пристроились к её утятам в хвост – тоже гуськом, один за другим. Только росточком чуть побольше, а то бы и не отличить.

Утица задержалась, повернула назад. Каждого утёнка носом тронула, будто пересчитала. И то ли в счёте она слаба, или тут другое что, – только не прогнала она чужих утят. Сказала им что-то по-своему, по-утиному, и вся большая семья – свои и приёмьши – скрылась в тени нависшего над водой куста ольхи.

Тихая волна от утицы с утятами еле дошла до тростников, где я сидел. По зелёным тростникам снизу вверх – до самых серебряных метёлок – наперегонки побежали улыбчивые золотые солнечные колечки. Ай да утица – плоский нос!

Как хорошо!

ГЕОРГИЙ СКРЕБИЦКИЙ

ПУШОК

В доме у нас жил ёжик, он был ручной. Когда его гладили, он прижимал к спине колючки и делался совсем мягким. За это мы его прозвали Пушком.

Если Пушок бывал голоден, он гонялся за мной, как собака. При этом ёж пыхтел, фыркал и кусал меня за ноги, требуя еды.

Летом я брал Пушка с собой гулять в сад. Он бегал по дорожкам, ловил лягушат, жуков, улиток и с аппетитом их съедал.

Когда наступила зима, я перестал брать Пушка на прогулки, держал его дома. Кормили мы теперь Пушка молоком, супом, мочёным хлебом. Наестся, бывало, ёжик, заберётся за печку, свернётся клубочком и спит. А вечером вылезет и начнёт по комнатам бегать. Всю ночь бегаёт, лапками топаёт, всем спать мешает. Так он у нас в доме больше половины зимы прожил и ни разу на улице не бывал.

Но вот собрался я как-то на санках с горы кататься, а товарищей во дворе нет. Я и решил взять с собою Пушка. Достал ящичек, настелил туда сена и посадил ежа, а чтобы ему теплей было, сверху тоже сеном закрыл. Ящик поставил в санки и побежал к пруду, где мы всегда катались с горы.

Я бежал во весь дух, воображая себя конём, и вёз в санках Пушка.

Было очень хорошо: светило солнце, мороз щипал уши, нос. Зато ветер совсем утих, так что дым из деревенских труб не клубился, а прямыми столбами упирался в небо.

Я смотрел на эти столбы, и мне казалось, что это вовсе не дым, а с неба спускаются толстые синие верёвки и внизу к ним привязаны за трубы маленькие игрушечные домики.

Накатался я досыта с горы, повёз санки с ежом домой.

Везу. Вдруг навстречу ребята: бегут в деревню смотреть убитого волка. Его только что туда охотники привезли.

Я поскорее поставил санки в сарай и тоже за ребятами в деревню помчался. Там мы пробыли до самого вечера. Глядели, как с волка снимали шкуру, как её расправляли на деревянной рогатине.

О Пушке я вспомнил только на другой день. Очень испугался, не убежал ли он куда. Сразу бросился в сарай, к санкам. Гляжу – лежит мой Пушок, свернувшись, в ящичке и не двигается. Сколько я его ни тряс, ни тормозил, он даже не пошевелился. За ночь, видно, совсем замёрз и умер.

Побежал я к ребятам, рассказал о своём несчастье. Погоревали все вместе, да делать нечего, и решили похоронить Пушка в саду, закопать в снег в том самом ящичке, в котором он умер.

Целую неделю мы все горевали о бедном Пушке. А потом мне подарили живого сыча: его поймали у нас в сарае.

Он был дикий. Мы стали его приручать и забыли о Пушке.

Но вот наступила весна, да какая тёплая! Один раз утром отправился я в сад. Там весной особенно хорошо: зяблики поют, солнце светит, кругом лужи огромные, как озёра. Пробираюсь осторожно по дорожке, чтобы не начерпать грязи в калоши. Вдруг впереди, в куче прошлогодних листьев, что-то завозилось. Я остановился. Кто это – зверёк?

Какой? Из-под тёмных листьев показалась знакомая мордочка, и чёрные глазки глянули прямо на меня.

Не помня себя я бросился к зверьку. Через секунду я уже держал в руках Пушка, а он обнюхивал мои пальцы, фыркал и тыкал мне в ладонь холодным носиком, требуя еды.

Тут же на земле валялся оттаявший ящичек с сеном, в

котором Пушок благополучно проспал всю зиму. Я поднял ящичек, посадил туда ежа и с торжеством принёс домой.

КОТ ИВАНЫЧ

Жил у нас в доме огромный толстый кот Иваныч, ленивый, неповоротливый. Целые дни он ел или спал. Бывало, залезет на тёплую лежанку, свернётся клубком и уснёт. Во сне лапы раскинет, сам вытянется, а хвост вниз свесит. Из-за этого хвоста Иванычу часто доставалось от нашего дворового щенка Бобки.

Он был очень озорной щенок. Как только дверь в дом откроют – шмыгнёт в комнаты прямо к Иванычу. Схватит его зубами за хвост, стащит на пол и везёт, как мешок. Пол гладкий, скользкий, Иваныч по нему словно по льду катится. Спросонья сразу и не разберёт, в чём дело. Потом опомнится, вскочит, даст Бобке лапой по морде, а сам опять спать на лежанку отправится.

Иваныч любил улечься так, чтобы ему было и тепло и мягко. То к маме на подушку уляжется, то под одеяло заберётся. А однажды вот что натворил. Замесила мама тесто в кадушке и поставила на печку. Чтобы оно лучше поднялось, сверху ещё тёплым платком прикрыла. Прошло часа два. Мама пошла посмотреть, хорошо ли тесто поднимается. Глядит, а в кадушке, свернувшись калачиком, как на перине, Иваныч спит. Всё тесто примял и сам весь измазался.

Так мы без пирогов и остались. А Иваныча вымыть пришлось.

Налила мама в таз тёплой воды, посадила туда кота и начала мыть. Мама моет, а он и не сердится – мурлычет, песни поёт. Вымыли его, вытерли и опять на печку спать положили.

Вообще Иваныч был очень ленивый кот, даже мышей

не ловил. Иногда мышшь скребётся где-нибудь рядом, а он внимания на неё не обращает.

Как-то зовёт меня мама в кухню:

– Погляди-ка, что твой кот делает!

Гляжу – Иваныч растянулся на полу и греется на солнышке, а рядом с ним целый выводок мышат гуляет: совсем крошечные, бегают по полу, собирают хлебные крохи, а Иваныч будто пасёт их – поглядывает да глаза от солнца жмурит. Мама даже руками развела:

– Что же это такое делается!

А я и говорю:

– Как – что? Разве не видишь? Иваныч мышей караулит. Наверное, мышка-мать попросила за ребятами присмотреть, а то мало ли что без неё может случиться.

Но иногда Иваныч любил ради развлечения и поохотиться. Через двор от нашего дома был хлебный амбар, в нём водилось много крыс. Проведал об этом Иваныч и отправился как-то после обеда на охоту.

Сидим мы у окна, вдруг видим – по двору бежит Иваныч, а во рту огромная крыса. Вскочил он в окно – прямо к маме в комнату. Разлёгся посреди пола, выпустил крысу, сам на маму смотрит: «Вот, мол, каков я охотник!»

Мама закричала, вскочила на стул, крыса под шкаф шмыгнула, а Иваныч посидел-посидел и спать себе отправился.

С тех пор от Иваныча житья не стало. Утром встанет, вымоет лапой мордочку, позавтракает и отправится в амбар на охоту. Минуты не пройдёт, а он домой спешит, крысу тащит. Принесёт в комнату и выпустит. Потом уж мы так приладились: как он на охоту – сейчас все двери и окна запираем. Иваныч поносит, поносит крысу по двору и пустит, а она назад в амбар убежит. Или, бывало, задушит крысу и давай с нею играть: подбрасывает, лапами ловит, а то положит её перед собою и любуется.

Вот однажды играл он так, вдруг, откуда ни возьмись,

две вороны. Сели неподалёку, начали вокруг Иваныча скакать, приплясывать. Хочется им крысу у него отнять – и страшновато. Скакали-скакали, потом одна как схватит сзади Иваныча клювом за хвост! Тот кубарем перевернулся да за вороной, а вторая подхватила крысу – и до свиданья! Так Иваныч ни с чем и остался.

Впрочем, Иваныч хотя крыс иногда и ловил, но никогда их не ел. Зато он очень любил полакомиться свежей рыбой. Как приду я летом с рыбалки, только поставлю ведёрко на лавку, а он уж тут как тут. Сядет рядом, запустит лапу в ведёрко, прямо в воду, и шарит там. Зацепит лапой рыбу, выкинет на лавку и съест. Иваныч даже повадился из аквариума рыбок таскать.

Как-то раз поставил я аквариум на пол, чтобы воду сменить, а сам ушёл на кухню за водой. Прихожу обратно, гляжу и глазам не верю: у аквариума Иваныч – на задние лапы привстал, а переднюю в воду запустил и рыбу, как из ведёрка, вылавливает. Трёх рыбок я потом недосчитался.

С этого дня с Иванычем просто беда: так от аквариума и не отходит. Пришлось сверху стеклом закрывать. А как забудешь, сейчас двух-трёх рыбок вытащит. Уж мы не знали, как его отучить от этого.

Но только, на наше счастье, Иваныч и сам очень скоро отучился.

Принёс я однажды с реки вместо рыбы в ведёрочке раков, поставил, как всегда, на лавку. Иваныч сразу прибежал – и прямо в ведро лапой. Да вдруг как потянет назад! Глядим: за лапу рак клешнями ухватился, а за ним – второй, а за вторым – третий...

Все из ведёрка за лапой тащатся, усами шевелят, клешнями щёлкают. Тут Иваныч глазищи от страха вытаращил, шерсть дыбом поднялась; «Что за рыба такая?»

Тряхнул лапой – так все раки на пол и посыпались, а сам Иваныч хвост трубой – и марш в окно. После этого даже близко к ведёрку не подходил и в аквариум перестал лазить. Вот как напугался!

Кроме рыбок, у нас в доме было много разной живности: птицы, морские свинки, ёж, зайчата... Но Иваныч никогда никого не трогал. Он был очень добрый кот, дружил со всеми животными. Только с ежом Иваныч вначале не мог ужиться.

Этого ежа я принёс из леса и пустил в комнате на пол. Ёжик сначала лежал, свернувшись в клубок, а потом развернулся и забегал по комнате. Иваныч очень заинтересовался зверьком. Дружелюбно подошёл к нему и хотел обнюхать. Но ёж, видимо, не понял доброго намерения Иваныча. Он растопырил колючки, подскочил и пребольно кольнул Иваныча в нос.

После этого Иваныч стал упорно избегать ежа. Стоило тому вылезти из-под шкафа, как Иваныч поспешно вскакивал на стул или на окно и никак не хотел спускаться вниз.

Но вот как-то раз после обеда мама налила Иванычу в блюдечко супа и поставила его на коврик. Кот сел около

блюдца поудобнее, начал лакать. Вдруг мы видим – из-под шкафа вылезает ёжик. Вылез, носиком потянул, прямо направился к блюдцу. Подошёл и тоже за еду принялся. А Иваныч не убегает – видно, проголодался, косится на ежа, а сам торопится, пьёт.

Так вдвоём всё блюдечко и вылакали.

С этого дня мама начала их каждый раз вместе кормить. И ведь как они хорошо к этому приладились! Стоит только маме половником о блюдечко стукнуть, а они уже бегут. Усядутся рядышком и едят. Ёжик мордочку вытянет, колючки приложит, гладенький такой. Иваныч его совсем перестал опасаться. Так и подружились.

За добрый нрав Иваныча мы все его очень любили. Нам казалось, что по своему характеру и уму он больше походил на собаку, чем на кошку. Он и бегал за нами, как собака: мы на огород – и он за нами, мама в магазин – и он

следом за ней бежит. А возвращаемся вечером с реки или из городского сада – Иваныч уже на лавочке возле дома сидит, будто нас дожидается.

Как увидит меня или Серёжу, сразу подбежит, начнёт мурлыкать, об ноги тереться и вслед за нами скорее домой спешит.

Дом, где мы жили, стоял на самом краю городка. В нём мы прожили несколько лет, а потом переехали в другой, на той же улице.

Переезжая, мы очень опасались, что Иваныч не уживётся на новой квартире и будет убегать на старое место. Но наши опасения оказались совершенно напрасны.

Попав в незнакомое помещение, Иваныч начал всё осматривать, обнюхивать, пока наконец не добрался до маминой кровати. Тут уж, видимо, он сразу почувствовал, что всё в порядке, вскочил на постель и улёгся. А когда в соседней комнате застучали ножами и вилками, Иваныч мигом примчался к столу и уселся, как обычно, рядом с мамой. В тот же день он осмотрел новый двор и сад, даже посидел на лавочке перед домом. Но на старую квартиру так и не ушёл.

Значит, не всегда верно, когда говорят, что собака людям верна, а кошка – дому. Вот у Иваныча вышло совсем наоборот.

Однажды нам подарили молодую белку. Она очень скоро стала совсем ручная, бегала по всем комнатам, лазила на шкафы, этажерки, да так ловко – никогда ничего не уронит, не разобьёт.

В кабинете у отца над диваном были прибиты огромные оленьи рога. Белка часто по ним лазила: заберётся, бывало, на рог и сидит на нём, как на сучке дерева.

Нас, ребят, она хорошо знала. Только войдёшь в комнату – белка прыг откуда-нибудь со шкафа прямо на плечо. Это значит она просит сахару или конфетку. Очень любила сладкое. Конфеты и сахар у нас в столовой, в буфете лежали. Их никогда не запирали, потому что мы, дети, без спросу ничего не брали.

Но вот как-то зовёт мама нас всех в столовую и показывает пустую вазочку:

– Кто же это конфеты отсюда взял?

Мы глядим друг на друга и молчим – не знаем, кто из нас это сделал. Мама покачала головой и ничего не сказала. А на следующий день сахар из буфета пропал и опять никто не сознался, что взял. Тут уж и отец рассердился, сказал, что теперь всё будет запиравать, а нам всю неделю сладкого не даст.

И белка заодно с нами без сладкого осталась.

Вспрыгнет, бывало, на плечо, мордочкой о щёку трётся, за ухо зубами дёргает – просит сахару. А где его взять?

Один раз после обеда сидел я тихонько на диване в столовой и читал. Вдруг вижу: белка вскочила на стол, схватила в зубы корочку хлеба – и на пол, а оттуда на шкаф. Через минуту, смотрю, опять на стол забралась, схватила вторую корочку – и опять на шкаф.

«Постой, – думаю, – куда это она хлеб всё носит?» Подставил я стул, заглянул на шкаф. Вижу – старая мамина шляпа лежит. Приподнял я её – вот тебе раз! Чего-чего

только под нею нет: и сахар, и конфеты, и хлеб, и разные косточки...

Я – прямо к отцу, показываю: «Вот кто у нас воришка!»

А отец рассмеялся и говорит:

– Как же это я раньше не догадался! Ведь это наша белка на зиму себе запасы делает. Теперь осень, на воле все белки корм запасают, ну и наша не отстаёт, тоже запасается.

После такого случая перестали от нас запирасть сладкое, только к буфету крючок приделали, чтобы белка туда залезть не могла. Но белка на этом не успокоилась, всё продолжала запасы на зиму готовить. Найдёт корочку хлеба, орех или косточку – сейчас схватит, убежит и спрячет куда-нибудь.

А то ходили мы как-то в лес за грибами. Пришли поздно вечером, усталые, поели – и скорее спать. Кошёлку с грибами на окне оставили: прохладно там, не испортятся до утра.

Утром встаём – вся корзина пустая. Куда же грибы делись? Вдруг отец из кабинета кричит, нас зовёт. Прибежали к нему, глядим – все оленьи рога над диваном грибами увешаны. И на крючке для полотенца, и за зеркалом, и за картиной – всюду грибы. Это белка ранёхонько утром постаралась: развесила грибы себе на зиму посушить.

В лесу белки всегда осенью грибы на сучьях сушат. Вот и наша поспешила. Видно, почуяла зиму.

Скоро и вправду наступили холода. Белка всё старалась забраться куда-нибудь в уголок, где бы потеплее, а как-то раз она и вовсе пропала. Искали, искали её – нигде нет. Наверное, убежала в сад, а оттуда в лес.

Жалко нам стало белочки, да ничего не поделаешь.

Собрались топить печку, закрыли отдушник, наложили дров, подожгли. Вдруг в печке как завопит что-то, зашуршит! Мы отдушник поскорее открыли, а оттуда белка пулей выскочила – и прямо на шкаф.

А дым из печки в комнату так и валит, в трубу никак не идёт. Что такое? Брат сделал из толстой проволоки крючок и просунул его через отдушину в трубу, чтобы узнать, нет ли там чего.

Глядим – тащит из трубы галстук, мамину перчатку, даже бабушкину праздничную косынку там разыскал.

Всё это наша белка себе для гнезда в трубу затащила. Вот ведь какая! Хоть и в доме живёт, а лесные повадки не оставляет. Такова уж, видно, их беличья натура.

АИСТЯТА

Один год мы прожили на Украине, в небольшой станции, среди сплошных вишнёвых садов.

Неподалёку от нашего дома росло старое дерево.

И вот однажды ранней весной на него прилетел и уселся аист. Он долго что-то осматривал, неуклюже пересту-

пая на своих длинных ногах по толстому суку. Потом улел.

А на следующее утро мы увидели, что на дереве хлопотали уже два аиста.

Они устраивали гнездо.

Скоро гнездо было готово. Аистиха снесла туда яйца и стала их насиживать. А аист то улел за кормом на болото, то стоял около гнезда на суке, поджав под себя одну ногу. Так, на одной ноге, он мог простоять очень долго, даже мог немного вздремнуть.

Когда в гнезде вывелись аистята, для старых аистов начались большие хлопоты. Птенцы были очень прожорливы. Они целый день требовали еды, и аисты-родители по очереди с утра до вечера таскали им из болота лягушек, рыбёшек, ужей.

Пока один из аистов летал за кормом, другой стоял на краю гнезда – караулил птенцов.

Как только он замечал подлетевшего к гнезду второго аиста, он закидывал голову на спину и громко трещал клювом, словно трещоткой. Ведь аисты кричать не умеют и приветствуют друг друга, часто-часто щёлкая клювом.

Прилетевший отдавал добычу детям и садился отдыхать у гнезда, а другой аист тут же улел охотиться за лягушками на болото.

Так аисты целые дни по очереди кормили птенцов. А когда те подросли и стали ещё прожорливее, тут уж оба родителя начали вместе летать и добывать детям корм.

Прошло ещё недели полторы, и вдруг один из аистов-родителей исчез. Что с ним случилось, неизвестно: может, его убили, а может, и сам от чего-нибудь погиб.

Вот когда настала трудная пора для оставшегося аиста! Птенцы стали уже совсем большими. Их было трое, и они требовали очень много еды.

Как только начинало светать, аист уже спешил на болото за добычей, приносил её, совал в рот одному из птенцов и, не отдыхая ни минуты, летел обратно на охоту.

Так он трудился до позднего вечера.

Нам было очень жаль бедную птицу, но мы не знали, чем ей помочь.

Один раз мы пошли ловить на речку рыбу. Возвращаемся домой и видим, что все три аистёнка тянут из гнезда свои длинные шеи, открывают клювы и просят есть. А аиста около гнезда нет. Значит, на болоте лягушек ловит.

– Что, если попробовать их рыбой покормить? – предложил мой товарищ.

В тот же миг мы залезли на дерево. Увидев нас, аистята заволновались, засуетились, чуть из гнезда не попадали.

Но вот один из них заметил в руках у меня рыбёшку. Аистёнок потянулся к ней, схватил клювом и проглотил. Другие сейчас же последовали его примеру.

Мы отдали аистятам всю нашу рыбу, слезли с дерева и тут только увидели старого аиста. Он поспешно подлетел к гнезду и стал беспокойно осматривать, всё ли там в порядке.

С этих пор мы каждый день начали кормить аистят: ловили специально для них рыбок и лягушек.

Аистята очень быстро смекнули, в чём дело. Как только мы влезали на дерево, они все разом тянули к нам из гнезда свои длинные шеи и раскрывали рты, прося, чтобы мы их накормили.

Наконец наши питомцы совсем выросли. Они покрылись перьями и начали вылетать из гнезда. И тут нам от

них просто житья не стало, аистята не давали нам проходу. Стоило только показаться на дворе, как они слетали с гнезда и опрометью бросались к нам, требуя еды.

А взрослый аист как будто понял, что и без него дело обойдётся: всё реже и реже приносил детям корм. Большую часть дня он или бродил по болоту, поедая лягушек, или дремал на дереве возле гнезда. Аист дремал на дереве, а в это время аистята гонялись за нами по двору, требуя еды.

Однажды они увязались с нами на болото. Там было много лягушек. Аистята начали ловить их сами и вовсе забыли про нас. С этого дня они каждое утро стали летать на болото – охотиться за лягушатами и другой добычей.

Лето кончалось. Все аисты собирались в стаи, готовясь к отлёту. Наши тоже перестали ночевать на дереве у гнезда – наверное, примкнули к какой-нибудь стае, и мы уже начали забывать о своих питомцах.

Но вот как-то раз идём мы с рыбной ловли домой. Смотрим, по лугу разгуливает стая аистов. Заметили нас, насторожились – сейчас полетят. Вдруг видим – от стаи отделяются три аиста и направляются прямо к нам.

– Да это же наши аистята! – обрадовались мы и начали манить их рыбой.

И вот эти большие дикие птицы подбежали к нам, захлопали крыльями, засуетились – так и хватают рыбу из рук!

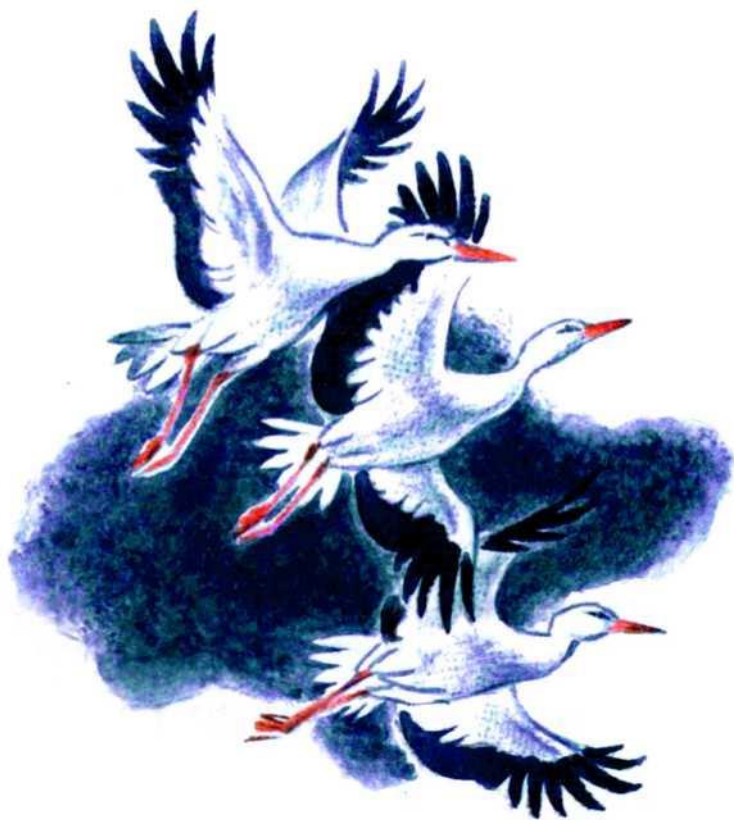
Схватят рыбёшку клювом, подбросят вверх, перехватят поудобнее и проглотят, а потом от удовольствия даже голову на спину закинут и клювом защёлкают.

Наши аисты рыбу из рук едят, а вся стая издали смотрит. Шеи вытянули, глядят – ничего, видно, понять не могут.

Наелись аистята, клювами в благодарность похлопали и обратно к стае вернулись. А мы домой пошли.

Больше мы их не видели.

Холодно стало. Улетели они на тёплый юг.

Серия «Школьная библиотека»

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Для среднего школьного возраста

Художник

Черноглазов Владимир Юрьевич

Главный редактор А. Алир
Технический редактор М.В.Юдаева
Компьютерная вёрстка Д.А.Володин
Корректор С.П.Мосейчук
Ответственный за выпуск А.В.Сенюшов

Подписано в печать 20.11.2012.

Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. п. л. 7.

Гарнитура «Ньютон».

Тираж 20000 экз. Заказ № 4270.

Издательство «Самовар»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»

(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: www.books-land.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного
Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».

170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

- © В.В.Бианки, наследники, текст.
- © М.М.Пришвин, наследники, текст.
- © Н.И.Сладков, наследники, текст.
- © Г.А.Скребицкий, наследники, текст.
- © Издательство «Самовар»,
составление, серийное оформление.
- © РИО «Самовар 1990», иллюстрации.

ISBN 978-5-9781-0339-7

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Владимир Черноглазов

9 785978 103397 >